

роехав сто пятьдесят километров на восток от Воронежа, в одиннадцать утра я был уже в Эртиле. На автостанции узнал из расписания, что ничего не изменилось с тех пор, как попал сюда семнадцать лет назад, и ближайший автобус на Козловку ожидается только вечером.

Не спеша прошелся мимо закрытого здания краеведческого музея по освещенным прохладным осенним солнцем улицам до рынка. Оживленная огороженная площадь напоминала ярмарку или восточный базар. Ларьки, торговые палатки, павильоны и магазины с продовольствием, одеждой, обувью, хозтоварами. Глаза разбегаются от невзрачного китайского ширпотреба.

Перекусил в пирожковой с обжигающим чаем в пластиковом стаканчике. Увидел на стоянке небольшую иномарку эффектного цвета бургундского вина и направился к ней. За рулем мужик примерно моих лет.

— До Козловки довезете?

— А сколько до нее?

— Около сорока километров.

Сговорились за тысячу рублей с заездом в Платоновку и Дубровку, плюс двести пятьдесят за час стоянки. Пришлось дать задаток пятьсот рублей.

Познакомились. Таксиста звали Иван Васильевич.

Приятно общаться с умным человеком твоего возраста. Иван Васильевич рассказал, как во время учебы в Воронежском институте влюбился в однокурсницу и собирался на ней жениться. Но после института вернулся в Эртиль и потерял следы возлюбленной. Говорили, что она вышла замуж и переехала в Ямное — большое село рядом с Воронежем. Через несколько лет отправился туда, хотел разыскать. Обошел множество улиц и домов, но безуспешно.

— Может, оно и к лучшему? — спрашиваю. — Что бы вы ей могли сказать нового, или она вам? Тем более что оба уже были не свободны.

— Нет, — не согласился Иван Васильевич. — Нам было что сказать друг другу.

— А сейчас?

— И сейчас есть.

Я с уважением посмотрел на него.

За разговором проскочили поворот на Платоновку. Развернулись. За несколько минут миновали Тамбовку. У въезда в Платоновку асфальт закончился. Предложил Ивану Васильевичу подождать меня у начала пруда, но он на большой скорости продолжил путь по грунтовой неровной дороге вдоль берега. Высокая трава цепляла за днище автомобиля. За плотиной въехали на косогор, где располагалось поросшее зеленым мурожиком кладбище. Нашел по памяти могилу прадеда с низким железным крестом...

На обратном пути показал Ивану Васильевичу, где стоял дом моего предка по материнской линии и где росла когда-то лозина. Улица, или точнее ряд домов, тянулась вдоль большого пустынного пруда, вызвавшего у таксиста неописуемый восторг.

— Какая красота! Куплю здесь дом, заведу гусей.

Затем вернулись на трассу и через сто метров свернули на Дубровку. Через пять километров въехали на сельскую улицу. Мелькнуло здание школы и местной администрации.

— Куда едем? — спросил водитель.

Я и сам не знал и попросил остановиться в тени берез возле забора детского сада. Настала моя очередь восхищаться аккуратными, утопающими в зелени садов домиками, с правильной планировкой улиц на ровной поверхности без низин и бугров. Сразу за селом начиналась роща. Сделал несколько снимков. Сколько раз ездил из Козловки на велосипеде ловить рыбу в Кресты за семь верст и не мог еще пару километров одолеть из любопытства, чтобы взглянуть, как живут соседи. А ведь неплохое место выбрали, духоподъемное!

Когда-то во время лютого военного голода моя мать — ей было лет одиннадцать — с младшей сестрой ходили пешком с салазками, взятыми у кого-то напротив, в Дубровку к дальней родне. Побывали в двух домах. Их спрашивали:

— Чьи будете?

— Поли Гавриловой.

Рассказали, что отец пропал без вести на фронте. Их покормили. В обоих домах дали неслыханное богатство — по котелке жмыха... Времени с тех пор утекло много. Хотелось разыскать, если не тех добрых родственников, то хотя бы детей их или внуков. Но навряд ли это можно было сделать быстро, и я попросил Ивана Васильевича подбросить до красивого здания церкви на окраине села.

Храм был отстроен недавно из белого кирпича и напонал готовящуюся к старту ракегу, стремящуюся взмыть в синие-пресиние небеса. Зашел внутрь. Службы не было. Привезли крестить младенца, и вокруг этого события происходило волнующее оживление.

Проехали по деревне. Посреди одной из улиц — уходящий вдаль красивый пруд с берегами, поросшими камышом. По улице бредут группами ребятишки с портфелями, возвращающиеся из школы...

После Дубровки отправились в Козловку. Попросил остановить на окраине села, расплатился и распрощался с общительным таксистом. Пешком пошел по такой знакомой и словно сильно уменьшившейся Московской улице.

Проулок у дома, где прошло детство, распахали, осталась лишь тропинка, так что я даже проскочил мимо. Бабушкин двор не узнать. Новые постройки и ульи на пригородчике. Зашел в соседний дом в гости к Вере — дочери Петра Никитовича и тети Нюры. Больше никого в Козловке из родни и знакомых не осталось в живых. Поговорили, повспоминали.

Отправился на погост, но как ни ходил, не нашел ни одной могилы знакомых и дорогих мне людей. Может быть, они просто так и остались в том ушедшем времени и той реальности...

Зашел в храм в центре села. Внутри пусто. У девушки в церковной лавке распросил расписание проходящих автобусов на Русаново. Она отвечала вежливо и обстоятельно. До ближайшей маршрутки из Воронежа оставалось полтора часа, и я отправился прогуляться к Елани. До нее было рукой подать. Вот блеснуло среди кленов желтоватое зеркало высвеченной солнцем воды под бетонным пешеходным мостиком, и внутри сладко заныло.

Река словно зарылась в землю, текла среди обрывистых берегов, поросших бурьяном и кленовыми зарослями. Вдоль берега тянулась тропинка к показавшимся за речным изгибом избам. Хотелось с кем-нибудь поговорить, но вокруг было пустынно. И тут увидел бредущего навстречу старика в пальто.

Пожилой мужчина сел в траву у берега реки, свесив ноги с обрыва. Когда я подошел, начал кряхтя подниматься и отряхиваться.

— Рыба тут водится? — спрашиваю, чтобы завести разговор.

— Водится.

— А какая? — удивился я.

— Всякая.

Что-то не припомнил рыбалки на Елани в детстве. Если и водилось что — только сельвки.

— А где же теперь купаются? Раньше на этом месте пляж был песчаный.

— Нету.

— Река обмелела?

— Ага. Бывало, на Елани рыбаки сидели через каждые сто метров, а теперь никого... Жизнь — интересная штука. Мне уже восемьдесят лет. Вот иду от дочери. Купила куру, а у нее кожа красная, отдала мне. Говорит: «Смотри, отравишься». Я отвечаю, что в голод дохлую лошадь ел — не отравился. Лебеду ели.

— Наслышан. У меня тут мать жила. Тоже голодала в войну. — Я назвал имя и фамилию. — Немного старше ваших лет. Может, в школе вместе учились?

— Не помню такой.

— А Виктора Павловича? Его все знали. Масло бил из семечек. На Московской улице жил.

— Не слыхал. Я плотником работал — все время по окрестным селам мотался. Строили дома — в Дубровке, Платоновке, Кисельном. На велосипеде на работу ездил. Любил педали крутить. Жизнь — интересная штука...

Мы распрощались на развилке — он побрел по тропинке вверх к школе, а я зашагал вдоль реки к церкви.

Снова зашел в храм.

— Как зовут батюшку? — спрашиваю у пожилой женщины.

— Отец Алексей.

— А где же старый батюшка?

— Отец Иван? Он по возрасту вышел за штат и организовал свой скит в Александровке.

До маршрутки оставалось еще четверть часа. Побродил по кленовой рощице перед сельской библиотекой, в которой когда-то на летних каникулах брал книги для внеклассного чтения. Оригинальная надпись на потрескавшейся табличке — «Муниципальное учреждение культуры «Козловский культурно-оздоровительный центр. Козловская сельская библиотека». На двери культурно-оздоровительного центра замок — выходной день.

Книгу «Чернозем» Гавриила Троепольского о жизни деревни 20–30-х годов прошлого века впервые читал здесь, еще не зная, что прототипом села Козинки, частенько упоминавшегося в романе, послужила Козловка, куда молодой Троепольский, учительствовавший неподалеку, в Питиме, навещался по делам. Судя по событиям, описанным в книге, и по воспоминаниям родни, лихое и беспокойное время молодости выпало моим бабке и деду — революция, гражданская война, усугубленная антоновским восстанием, охватившим и Козловский уезд, со страшной жестокостью с обеих сторон. Потом коллективизация, раскулачивание родственников только за то, что держали пасеку. Но их семью не тронули, хотя и числились единоличниками. В тридцатые годы — репрессии, под которые попадали и простые колхозники, и председатели. А следом еще война и голод...

В павильоне автобусной остановки появился худощавый подросток, извлек из тайника за скамейкой сигарету со спичками и закурил. К нему подошел крошечный котенок. Хулиганистого вида мальчик погладил его. Я достал из сумки кусочек сыра, котенок с жадностью набросился на угощение.

Подспевшая маршрутка из Воронежа подобрала до Русановской церкви, той самой, где меня в младенчестве крестили. Но службы не было, на воротах висел замок. Обойдя вокруг красивой деревянной церкви, окруженной деревьями, побрел вдоль асфальтированного шоссе в сторону Жердевки, где был забронирован номер в гостинице. Миновал мост через Савалу, сделал несколько снимков извилистой реки, луга и начинающегося вдалеке Савальского леса.

Дорогой не отпускало чувство, что этим же путем хаживали в молодости пешком по разным делам из Козловки в районцентр за двадцать семь километров мои бабка Пелагея Васильевна и дед Егор Григорьевич, которого я никогда не видел — он пропал без вести под Ленинградом в сорок третьем. По рассказу бабки, однажды их остановили в лесу под Терновкой разбойники. Спросили, не идет ли кто следом? Егор не растерялся и сказал, что они обогнали целый обоз. Бандиты не решились их тронуть и скрылись в лесной чаще, приняв во внимание, наверное, еще и внушительный вид тридцатилетнего богатыря, побеждавшего всех на воскресных кулачных боях.

Мать рассказывала, что в довоенные годы Егор Григорьевич одно время занимался извозом, и в их избе останавливались его приятели, перевозившие товары и пассажиров в удаленные от железнодорожных станций селения. Гости спали на полу или на полатях, постелив солому и укрывшись овчинными тулупами. Однажды на ночлег остановился молодой художник и на глазах у обступивших со всех сторон пятерых детей хозяина нарисовал на белой бумаге паровоз. Паровоз вышел как настоящий — с трубой, из которой валил дым, и огромными блестящими железными колесами, из-под которых вырывались струи пара. Все были в восторге. Рисунок поместили в самодельную рамку и повесили на стену.

В Подчернецком (район Козловки, — были еще на слуху Ярушка, Копыльская Ножка и «энтот бок» за Еланью) жила сводная сестра моей бабушки бабка Наталья. Прокалывала девочкам уши под серги иголкой с суровой ниткой. Сын ее в начале тридцатых годов отслужил в армии, вернулся в село, женился, родился сын. Мать до войны и во времена голодного военного детства любила ходить к ней в гости, играть на печи в карты с ней и ее внуком. Бабка Наталья угощала всякий раз то горстью подсолнечных зернышек в карман, то сладкими кубиками вяленой сахарной свеклы.

Как только началась Великая Отечественная война и объявили всеобщую мобилизацию, главу семьи вместе с другими односельчанами направили в учебную часть под Борисоглебском, а через месяц, в августе, родился шестой ребенок в семье — сын. Осенью, узнав из письма, что мужа отправляют на фронт, Пелагея Васильевна оставила новорожденного сына сестре мужа тетке Аксютке, которая в ту пору тоже кормила грудью своего ребенка, и отправилась прощаться. Маршрут воинской части проходил недалеко от Козловки.

От этой встречи сохранилось несколько фотографий, на одной из которых дед Егор и бабушка сидят рядом. Им около сорока. Бабушка в темном платочке в горошек, а дед в военном бушлате и фуражке со звездой. У обоих спокойный, твердый и ясный взгляд, словно не догадывались о предстоящих бедствиях и не слышали сводок Совинформбюро об отступлении с тяжелыми боями наших войск. Ни отчаяния, ни паники. Похожие «прощальные» военные фото долгие годы висели в рамках почти в каждой сельской избе.

Старшей дочери отец передал на память брошь и красивую декоративную звездочку с булавкой на платье.

Некоторое время спустя через село проходило на фронт другое воинское подразделение. На ночлег солдат распределяли по хатам. Моя мать запомнила троих солдат-украинцев, остановившихся в их избе...

Оба моих деда не вернулись с войны, и я всегда чувствовал, как их не хватает. Позже узнал, что дед по отцу Иван Романович был капитаном пассажирского теплохода «Решающий» на Дону. Судно ему пришлось, получив радиограмму из пароходства, затопить между Лисками и Павловском при подходе немцев и начале авианалетов, когда был ранен боцман... Пешком добрался до родного села, называемого в простонародье Дуванкой, а на следующий день отправился в Павловский райвоенкомат. После воевал, получил медаль «За отвагу» за то, что, как сказано в наградном листе, на правом берегу Днепра огнем из противотанкового ружья уничтожил две огневых точки фашистов, мешавшие продвижению наших бойцов. Он тоже пропал без вести...

Я оказался в Козловке годовалым ребенком спустя двенадцать лет после Победы. К шестидесятым годам жизнь наладилась, голод и лишения остались в прошлом. До четырех лет, пока мать не забрала в Павловск, а затем каждое лето в школьные годы жил у бабушки.

В неспешной летней сельской жизни большим событием было появление старьевщика. Ветхий дедок ехал по улице на телеге и тянул нараспев:

— Тре-е-е-епки.

Это означало «тряпки» — основной предмет его промысла.

Со всех дворов к нему устремлялась ребятня. Старик останавливал лошадь и открывал заветный сундучок с драгоценностями — глиняными расписными свистульками в виде соловья, сладкими петушками на палочке в целлофановой обертке, леской, наборами крючков и готовыми снастями со свинцовым грузиком и ярким поплавком на леске, намотанной на серую пластмассовую планку, железными автоматическими пистолетами в комплекте с пистонными лентами, разноцветными надувными шарами. Старьевщик забирал принесенное детворой тряпье, взвешивал на безмене, бросал в телегу с деревянными бортами и объявлял, какую вещь можно выбрать. Такой безденежный обмен старых лохмотьев на новые полезные вещицы, которые не завозят в село, казался настоящим волшебством.

Вспомнилось, как отец троюродного брата Миши дядя Витя приезжал с жатвы затемно на комбайне, бросал охапку спутанных зеленых гороховых плетей на крыльцо и мы, ребятки, обрывали стручки и либо шелушили горох пальцами или зубами, либо, если он был недоспелый, жевали целиком сладковато-сочные стручки-лопатки.

Деревенские воспоминания и ощущения вызывают у меня всякий раз невольный трепет: запах свежескошенной травы, вкус недозревших клейких семечек из скрученной головки подсолнуха; лакомый десерт сорванной горсти иссиня-черных ягод паслена, сорнякам растущего у края огорода; горьковатый привкус свистка, вырезанного из ветки лозины.

Горечь придавала кора, которую сначала отбивали рукояткой ножа и снимали с блестящей влажной сердцевины, а затем надевали на обструганную в нужных местах острым лезвием древесину.

Сладковатый вкус вишневого клея, когда его откусываешь прямо со ствола в дедовом саду.

Вибрация на губах от гуделки-дудочки, сделанной из стручка акации с вычищенными изнутри зернышками.

Звонкий, как выстрел, звук при ударе о землю кнута с нахвостнем — плетеной косичкой из тонкого пучка конского волоса, который иногда удавалось вырвать у лошади из хвоста.

Устоявшаяся за лето привычка говорить на местном диалекте: корова не забодает, а забрухает; не крапива, а кострыка; не въюнок, а повилика; не тучи, а наволочь; не буханка, а коврига; не ржаной, а аржаной... Играли не в прятки, а в кулочки («за обозначки три раза куликать!»)...

А какие меткие пословицы и поговорки узнавали, потом пускали в обиход: «В поле две воли», «У денег глаз нет», «Из лежанья мешки не шьют», «Ни вару, ни товару», «Без хозяина товар сирота», «Ни слуху, ни духу», «Красота до венца, а ум до конца», «Простота хуже воровства», «Вода всегда чище нас»...

Дорога шла вдоль соснового леса к Терновке. Вот, наконец, и крутой поворот на Жердевку, до которой, судя по указателю, оставалось девять километров. Солнце уже садилось за верхушки сосен. Пришлось остановить проезжавшие мимо белые «Жигули», чтобы попасть к месту ночлега до темноты. В салоне молодая семейная пара. Сел на заднее сиденье. На большой скорости проскочили Есипово и въехали в Жердевку. Попросил парня показать, где располагался маслозавод, на который ездил на лошади подрабатывать, как теперь говорят, «вахтовым методом» мой дед. С любопытством и нарастающим волнением смотрел во все стороны, словно внезапно переместился в прошлое на машине времени.

Меня подбросили до автобусной остановки. От предложенных денег наотрез отказались.

С любопытством и настороженностью всматривался в вежливые суровые лица потомков эсеровских повстанцев. Расспросил у мужиков на шиномонтаже, как добраться до гостиницы. Рейсового автобуса ждать не стал, узнав, что пешком напрямки быстрее.

И вот сижу в уютном номере. За окном чудесный вид на мост через Савалу и огни ночного города на возвышении. Похоже, я единственный постоялец. Поужинав и приняв теплый душ, обменялся сообщениями в соцсети с двумя молодыми поэтическими дарованиями, какими-то судьбами расцветшими в ближайшей к Козловке округе, удаленной от Воронежа почти на двести километров. Почему-то приятно сознавать, что обе талантливы, что им вообще пришлось в голову писать стихи, и что мы почти земляки...

* * *

Через месяц, в конце октября, я по выигранной путевке (с немалой доплатой) оказался на Средиземноморском побережье Турции. В эту пору там уже не жарко, но еще можно загорать и купаться. Проехал с туристической группой тысячу километров, меняя отели и города.

Вообще-то я всегда считал себя патриотом и любил наши моря — Балтийское, Азовское и Черное. Но только теперь осознал, в чем прелесть заграничного сервиса, на который клюнули многие соотечественники. Я не понимал и ревновал их предпочтение чужим странам особенно остро, оттого что сам из-за нехватки средств не мог проверить, в самом ли деле там так хорошо. И оказалось — просто сказочно...

Роскошные интерьеры пятизвездочных отелей на первой береговой линии, невообразимое количество блюд на завтрак, обед и ужин, щиплющее глаза горько-соленое море непривычного темно-синего цвета, экскурсии с византийским и раннехристианским историческим подтекстом на комфортабельных автобусах по ровным асфальтированным дорогам, пальмы, гранатовые и апельсиновые сады; соблазняющие разнообразием ювелирные, меховые и ковровые центры, наконец, «восьмое чудо света» — ослепительно белые, словно в снегу, горные склоны Памуккале с его геотермальными минеральными источниками...

По дороге заезжали в продуктовые магазины за местным чаем, кофе и сладостями. В погребке с турецкими винами хозяин, женатый на русской и хорошо знающий наш язык, учил, как правильно провозглашать тосты:

— За здоровье пить грех, за него надо молиться. За любовь пить не надо, ибо это дар божий. Пить следует за мечты, ибо мечты есть у всех, и они должны исполняться.

Но среди субтропических красот Кемера, Антали и Белека взор тщетно искал хотя бы одну березку, и я невольно снова и снова мысленно возвращался за тысячами километров в Платоновку, Дубровку, Козловку и Жердевку. Они притягивали, словно магнит. В то же время не верилось, как мог очутиться в недостижаемом райском месте простой выходец из глухого, когда-то черноземного захолустья. В конце концов, пришло понимание, что ничего особенного — того, что не сыщешь в своем отечестве, за границей нет.

По прошествии времени мне сдается, что сентиментальное путешествие в отдаленную заповедную глубинку на родину предков произвело более захватывающее, незабываемое и берущее за душу впечатление, чем экзотический чужеземный вояж.